

Евгений Григорьевич Новичихин родился в 1939 году в селе Верхнее Турово Нижнедевицкого района Воронежской области. Окончил Воронежский лесотехнический институт. Автор более сорока сборников стихотворений для детей, сатирических миниатюр, литературных пародий, переводов, краеведческих этюдов, нескольких киносценариев. Лауреат премий им. М.А. Булгакова, А.П. Платонова, Е.И. Носова, «Родная речь» журнала «Подъём», премии «Имперская культура» им. Э. Володина. Заслуженный работник культуры РФ. Член Союза писателей России, Союза кинематографистов. Живет в Воронеже.

Евгений Новичихин

ФОТОГРАФИЯ

Рассказы

СОСЕД

Когда приказали явиться к командиру партизанского отряда, Санек подумал, что ему дадут новое боевое задание. Но ошибся. Командир подал ему какие-то бумаги:

— Разведчики раздобыли для нас список полицаев из соседних сел. Посмотри, нет ли знакомых имен?

Знакомые были. И одно имя насторожило больше всех: в списке значился его сосед, Петро.

Саньку вспомнилось: когда он собрался в военкомат, чтобы записаться в армию, позвал с собой Петра. Но тот замахал руками:

— Что ты, что ты, сусид?! Мы ще молоди!

В армию Санька действительно не взял: ему не было и семнадцати. А вот в партизанский отряд он ушел. Мать пыталась, как могла, удержать его от этого шага, но не смогла.

«Выходит, для армии мой «сусид» молод, а для немецкой полиции — в самый раз, — размышлял Санек бессонными ночами в партизанской землянке. — Вот же мерзавец!»

Эти «сусид», «ще» и другие подобные словечки очень забавляли Санька: вроде бы все понятно, но не по-русски. Петро и

его мать, тетка Дарья, переехали к ним в село то ли из полтавских, то ли из винницких мест, и по их разговору было видно, что они нездешние.

«Как же так? — думал Санек. — Учились в одной школе, в одном классе, у одних учителей, по одним учебникам. Читали одни и те же книжки. Играли в одни и те же игры. Слушали и пели одни и те же песни... Почему же я стал партизаном, а он — полицаем?» Ответа на этот вопрос Санек не находил.

Командир отряда строго предостерег Санька:

— В свое село — ни ногой. Случайно встретишь соседа-полицая, и тогда беды не оберешься.

Но встреча все же состоялась.

Однажды командир приказал Саньку, вместе с бывалым партизаном Федотычем, съездить на подводе в дальний хутор за провизией для отряда. Хутор был маленький, три или четыре избы, и немцы туда заглядывали редко. В хуторе отряд держал своего человека, в обязанности которого входило регулярное обеспечение партизан продовольствием.

С задания возвращались поздним вечером. Уже подъезжая к лесу, заметили, что к ним приближаются четыре вооруженных человека. Немцы! Санек спрыгнул с телеги:

— Федотыч, гони! Я постараюсь их задержать!

Немцы открыли огонь по подводе, но она быстро скрылась в молодом сосняке. В это время Санек метнулся в сторону небольшого бугорка перед лесом и залег за ним. Это было хорошее укрытие, из-за которого немцы были видны ему на снегу так отчетливо, как бывают заметны черные пуговицы на белой сорочке. Санек открыл огонь по врагам. Вот упал один. Вот второй. Третий и четвертый кинулись к одинокой вековой сосне, чтобы укрыться за ней, но успел только один: третий остался на снегу, скошенный пулей Санька.

— Сдавайся, фриц! — предложил Санек этому четвертому.

— Сусид, ты, что ли? — вдруг послышалось ему.

Сосны шумели на ветру, покачивая верхушками и изредка скрипя тяжелыми стволами. И Санек подумал, что это они, сосны, навеяли ему чей-то человеческий голос. Но нет, голос повторился:

— Сашко, это же ты, я знаю!

Голос доносился со стороны врага, и Санек понял, что враг — это его сосед Петро.

— Петро, ты? — на всякий случай уточнил он.

— Я! Я! — обрадовался тот. — Не стреляй, сусид, не стреляй. Давай побалакаем!

— Ну, давай, — согласился Санек. — Только о чем нам с тобой говорить-то? Ты же полицай фашистский!

Петро что-то негромко сказал в ответ, но Санек не расслышал его слов, потому что их заглушил очередной порыв ветра.

— Ну, чего ты там бормочешь? — переспросил он.

— Мама у меня хворая, ей помогать треба. Розумиешь? Вот я и пошел в полицаи, чтобы прокормиться, — донеслось из-за дерева, за которым прятался Петро.

— Моя мама тоже хворая, — возразил ему Санек. — Но я же не пошел служить захватчикам!

— Твоя мама ще может в огороде возитися, — гнул свое Петро. — А у моей ноги хворые...

— Да ты посмотри, — взорвался Санек, — сколько у нас в селе одиноких женщин, и половина из них болеют. Но их сыновья фашистам не служат!

— Как не служат? — спросил Петро. И сам себе ответил: — Вон Сенька Головин тож полицаем стал.

— Ну, ты и нашел, с кого пример брать! — возмущился Санек. — Головин — шпана шпаной, три года за воровство отсидел, он уголовник. А тебе это зачем? А, Петро?

— Говорю ж: мама хвора, — жалостливо простонал полицай. — Отпусти, будь ласка...

Помолчав, Санек крикнул:

— Ну, ладно, что делать будем?

— Давай разойдемся по-хорошему... — обрадовался Петро.

— Как это — разойдемся? — удивился Санек. — Ты мой враг, я должен тебя уничтожить.

— Но я же не только твой враг, — не унимался Петро. — Я твой сурид. А ще я твой одноклассник. Отпусти, будь ласка...

— Избави Бог от таких соседей, — усмехнулся Санек. — И от таких одноклассников тоже.

— Не убивай, Сашко! — взмолился полицай. — Не убивай! Я твоей мамке допомагати буду. И тебе поможу, если что.

Санек задумался. Никакой помощи от полицая он не ждал. Да и не нужна ему была эта помощь. Саньку очень жаль было тетку Дарью, его мать. Женщина она безобидная, и вряд ли она виновата в том, что ее беспутный сынок немцам служить стал. «Уверен, что она стыдится его, — подумал Санек. — Но если потеряет сына и останется одна, не выдержит».

К тетке Дарье Санек относился хорошо. Она тоже его уважала. В детстве мать, уходя на колхозное поле, часто оставляла маленького Санька с теткой Дарьей. Та обращалась с ним, как с родным, ничем Петра не выделяла. Не раз окорачивала сына, когда он пытался задираТЬ Санька или откровенно распускал руки. Санек, конечно, мог бы и сам ему накостылять, но он был в гостях, поэтому не считал возможным меряться силами на чужой территории, в присутствии тетки Дарьи.

«Ну, что, отпустить его? — думал Санек. — А что я тогда своему командиру скажу?»

Врать он не привык, и его мучило, как выйти из этой ситуации.

«Ну что ж, придется слукавить, — наконец решил он. — Скажу, что трех положил, а четвертый сбежал».

После долгого молчания, Санек позвал полицая:

— Эй, Петро! Слышишь меня?

— Слышу! — отозвался сосед.

— Уходи! Я тебя не трону!

Полицай, не оборачиваясь, сначала торопливо зашагал, а потом побежал в сторону села.

Санек и предположить не мог, что вскоре состоится их новая встреча.

Ночью, успешно завершив операцию по подрыву железнодорожного состава с вражескими танками, группа партизан решила возвращаться в отряд поодиночке, чтобы не нарваться на немецкую засаду. Петляя по заснеженным полям, Санек вдруг обнаружил, что оказался вблизи своего села. Приближался рассвет, а до отряда было еще далеко. Днем пере-

двигаться, конечно, опасно, и надо было где-то отсидеться. Где же еще, если до родного дома рукой подать?

Арина встретила сына радостными слезами. Обняв мать, Санек вошел в избу, присел за стол, закурил.

— Ой, ты курить стал? — разохалась Арина.

Санек устало улыбнулся:

— Это я так, балуюсь. Мам, мне бы поспать надо. А ночью я уйду.

Забрезжил рассвет. Санек прилег на кровать. Еще не успел заснуть, как Арина, выглянув в окно, увидела, что к ее избе идет Петро с автоматом. Кинулась к сыну:

— Сынок, прячься! Петро!

Санек мигом выскочил в сени. Дернул на себя знакомую деревянную ручку на полу и скрылся по ступенькам в темноту подполья, спрятавшись там за пустыми кадками.

Ворвавшись в избу, Петро огляделся по сторонам и, заметив кисет с махоркой на столе, все понял.

— Тетка Арина, где Сашко? — заорал он.

Арина застыла на месте, со страхом глядя на незваного гостя.

— Сашко, выходи! Иначе тетку Арину буду здавати немцам как мать партизана!

Он повторил это несколько раз, заглядывая в каждый угол избы.

Санек вылез из подполья. Презрительно глядя в глаза полицая, задал вопрос:

— Ну что, Петро, опять разговаривать будем?

Полицай наставил на него автомат:

— Не о чем нам с тобой балакать! Шагай, к немцам тебя поведу!

— А там, у леса, ты разговорчивый был! — усмехнулся Санек.

Петро огрызнулся:

— Думаешь, и я тебя отпущу? Не рассчитывай! Не на того напав! А ну, пшел к выходу! Или на месте застрелю вместе с твоей матерью!

Санек кинулся к нему:

— Ах ты гад, сволочь фашистская!

Арина взмолилась:

— Сынок, не надо!

Не одеваясь, она выбежала на улицу. В это время Дарья, взяв лопату, пыталась расчистить от снега проход к своей избе.

— Дарья! Дарья! — срывая голос позвала ее соседка.

— Чего тебе? — отозвалась та.

— Иди скорее, угомони своего сына! Он моего Сашку сейчас убьет! — взмолилась Арина.

— О, Господи! — вздохнула Дарья, отбросила лопату и, опередив соседку, заковыляла в ее избу. Отворив дверь, кинулась к сыну:

— А ну, угомонись, Петро!

Тот отмахнулся от нее:

— Мать, не лезь, не твоя это справа!

— У, ирод! — толкнула она его в спину.

Петро, оскалив зубы, снова отмахнулся от матери.

— Угомонись, тебе говорю! Угомонись! — крикнула Дарья, схватив сына за руку.

— Уйди, мать! Не вмешивайся! Он партизан! Я немцам його должен сдать! — заорал Петро, грубо отталкивая Дарью.

И тут она, не выдержав, перекрестилась и, взяв в руки скалку, лежав-

шую на лавке, со словами: «Прости, Господи!», врезала этой скалкой сыну по загривку. Тот упал.

— Беги, сынок, беги швыдче, дорогой, — заторопила Дарья Санька, — а то зараз Петро оклемается и опять свое ружье на тебя наставит. Дурной же! И откуда эта напасть заповзлялась на мою бедную голову?! Соромно людям в глаза глядеть!

Санек задумался. Бежать? А куда, если белый день вокруг? Того и гляди, на немцев нарвешься. И Санек решил отсидеться в подполье, за кадками.

Уходил Санек новой ночью. Арина рассказала ему, что Петро, когда очухался с перевязанной Дарьей головой, долго не мог понять, что произошло. Мычал, матерился, а потом заторопился на свою поганую службу нелюдям.

Однако вскоре в партизанский отряд пришла весть: немцы выгнали Петра с этой службы. Рассказывали, что он с утра до позднего вечера неприкаянно слоняется по селу с перевязанной головой и смущенно поясняет каждому:

— Комиссовали по ранению...

ТОВАРИЩ

Всю ночь бабке Настасье не спалось. До самого рассвета вокруг ее избы с громким лаем бегали хуторские собаки, и сон к ней не шел. «И чего они разбрехались?» — не могла понять она. Чужие в хуторе появлялись крайне редко, поэтому ночами здесь всегда стояла тишина. Спали и люди, и собаки. «Неужто кто-то посторонний по хутору шастает?» — забеспокоилась Настасья.

Хутор Балки располагался в долине между двумя склонами, заросшими кустарниками и высокой травой. Зимой же эти склоны были покрыты непролазными снегами. Ближайшая дорога — проселочная — проходила по верху одного из склонов. А к самому хутору вела только узенькая тропинка из села Липяги, до которого было аж пять километров. Это расстояние не в силах были преодолеть ни одна из живущих в хуторе старушек, ни дед Тимофей, потерявший ногу еще молодым, на Первой мировой. Только пятнадцатилетняя Зойка, внучка бабки Фроси, раз или два раза в неделю ходила в Липяги, чтобы купить там в магазине соль, сахар или какую другую провизию, заказанную ей хуторянами. Заодно Зойка забегала на почту и забирала корреспонденцию, поступившую для Балок — обычно одно-два письма или поздравительные открытки к праздникам, да еще районную газету — одну на всех. Когда же в Липяги вошли немцы, то и Зойка перестала туда ходить.

В Балках же немцы не появлялись. Лишь однажды несколько немецких мотоциклов показали на проселочной дороге, посмотрели сверху на пять одиноких изб в низине и, поняв, что здесь им ничто не угрожает, да и пожить тут нечем, уехали.

Но война была рядом. Это жители Балок понимали, слыша недалекие разрывы бомб, грохот артиллерии, гул пролетающих над ними самолетов — то вражеских, то своих, советских. Так продолжалось несколько месяцев.

И вот вчера гул войны стал постепенно удаляться от них. Они поняли: Липяги уже освобождены от врага.

Утром, выйдя в сенцы, Настасья сразу заметила непорядок: уже целый месяц тут, у стены, стоят вилы. А должны они быть в сарае. Надев фуфайку, Настасья с вилами отправилась к сараю, построенному еще покойным мужем Тихоном невдалеке от избы. К ее удивлению, сарай оказался заперт изнутри. Дернув за ручку еще несколько раз, Настасья поняла, что между внутренней ручкой сарая и косяком двери вставлен, кажется, черенок лопаты. Значит, в сарае кто-то прячется.

— Кто там? — крикнула Настасья.

Не услышав ответа, она закричала еще громче:

— Сей же час весь народ соберу! И тогда уж тебе не поздоровится, кем бы ты ни был!

Угрозы, видимо, подействовали: в сарае послышалось какое-то невнятное мычание, негромкое шевеление, прерывистое дыхание.

— Выходи! — потребовала Настасья, отойдя при этом от сарая на безопасное расстояние и приподняв вилы — то ли для нападения, то ли для обороны.

Послышались звуки отодвигаемого засова-черенка, дверь открылась и в ее проеме появился человек. «Немец!» — сразу догадалась Настасья, взглянув на его форму. Она угрожающе направила в сторону чужака вилы. Тот поднял вверх руки:

— Гитлер капут!

Настасья громко скомандовала, показав в сторону поляны возле своей избы:

— А ну, немчура, шагай вперед!

Немец покорно двинулся в указанном женщиной направлении. Чуть обернувшись, опять пробормотал:

— Гитлер капут!

— Капут, капут, — подтвердила Настасья. — И тебе скоро капут. Шагай, не оборачивайся!

Однако немец снова обернулся, остановился и, изобразив подобие улыбки, сказал:

— Камерад! Товарь-исч!

Настасья придвинула вилы поближе к нему:

— Что-что? Тоже мне, товарищ нашелся! Тамбовский волк тебе товарищ! Шагай, говорю!

Но немец, с опаской глядя на вилы, повторял снова и снова:

— Камерад! Товарь-исч!

Подошли к поляне.

— Бабы! Идите все сюда! Поглядите, кого я в плен взяла! — крикнула Настасья.

Хуторские бабы, одна за другой, стали собираться вокруг пленника. И каждой новой подошедшей старушке немец говорил:

— Камерад! Товарь-исч!

То и дело повторял:

— Гитлер капут!

Бабка Катя замахнулась на него кулаком:

— Это не ты ли, падлюка, убил мово внука Коленьку?

Немец пугливо отвел голову в сторону, чтобы избежать удара, но бабка Катя и не собиралась его бить. Так, подняла кулак и тут же его опустила.

Настасья обратилась к собравшимся:

— Бабы, что с ним делать-то будем?

Все промолчали, пожимая плечами. До Липягов никому из них не дойти, а отпускать с пленным Зойку опасно, даже если девчонка будет с вилами.

— Как он оказался-то в Балках? Зимами у нас еще никогда нездешних не было! — удивилась бабка Фрося.

В разговор вмешалась ее внучка, стоявшая в сторонке и не без опаски поглядывавшая на чужеземца:

— Я видела на склоне, со стороны дороги, какие-то странные следы. Как будто кто-то скатился к нам вниз.

— Вот и понятно все, — подытожила Настасья. — Среди отступавших он был и хотел, стало быть, от наших в низине укрыться. Да не повезло: ко мне в плен попал!

Приковылял дед Тимофей. Быстро сообразив, что тут, на поляне, происходит, сказал:

— Вы, бабы, поосторожнее с пленным. Настасья, ты вилы-то опусти, а то заденешь его ненароком. С пленными надо аккуратно поступать. К ним обходительное отношение требуется. Порядок такой! Понимать надо!

Бабка Катя вдруг ушла в свою избу и вскоре вернулась с кружкой воды:

— На, пей, ирод!

Немец, жадно глотая воду, залпом выпил всю кружку, чуть не задохнувшись. Возвращая пустую кружку бабке Кате, поблагодарил:

— Данке! Шпассиббо, товарь-исч!

Бабка Фрося вдруг тоже засобиралась домой:

— Принесу-ка я ему поесть. Хоть и нелюдь, но живая все ж душа...

Она вернулась с тарелкой шей и куском хлеба:

— На, жри, морда фашистская!

Немец быстро опорожнил тарелку — видимо, и впрямь был очень голоден. Бабке Фросе тоже сказал:

— Данке! Шпассиббо, товарь-исч!

— Ну, что делать-то будем? — снова спросила Настасья.

— Я так думаю, — отозвался дед Тимофей, — ты, Настасья, взяла его — значит, он твой пленный. Веди его к своей избе и давай ему какую-нибудь работу. Вон снег у тебя перед избой не чищен, пройти невозможно. Пусть лопату берет и порядок наводит.

— И то дело! — обрадовалась Настасья.

Она опять наставила на немца вилы:

— А ну, вперед, Товарищ!

Немец покорно зашагал к избе Настасьи. Та достала из сарая широкую лопату для уборки снега, которую смастерил когда-то ее Тихон, подала ее немцу:

— Давай, работай!

Немец быстро понял, что от него требуется:

— Арбайтен! Работат!

Лопатой немец орудовал неловко, не так споро, как делал в свое время Тихон. «Не сельский человек», — сразу определила Настасья. И все же к вечеру все подходы к ее избе были очищены. «Красота!» — оценила работу хозяйка.

— Эй, Товарищ! — позвала немца Настасья. — Ужинать пора!

Картошку и соленые огурцы пленник ел охотно и много, запивая их

кипятком. После ужина он, разморенный работой, стал зевать и сказал Настасье:

— Шляфен! Шпат!

Та сначала не поняла его, но он приложил обе руки к щеке и наклонил голову:

— Шпат!

— А-а, спать? — догадалась Настасья.

— Я, я, шляфен! — подтвердил он.

Настасья достала из чулана старый матрас, такое же старое ватное одеяло. Вручив их немцу, позвала за собой:

— Идем со мной, Товарищ.

В хлеву, где в прошлом обитала их с Тихоном кормилица и красавица Милка — корова с необычно длинными ресницами и огромными карими глазами, теперь было пусто, но по-прежнему уютно, сухо и тепло.

— Вот тут и будешь шляфен, — сказала Настасья, кивнув в угол, в сторону сена, оставшегося после Милки.

— Данке! Шпасиббо, товарищ! — поблагодарил немец.

— На здоровье! — ухмыльнулась Настасья, возвращаясь в избу

Эту ночь ей тоже не спалось. «Что там у него на уме, у этого Товарища? — думала она. — Как бы чего не случилось!»

Но все обошлось.

— Эй, Товарищ, пошли завтракать, — пригласила она немца, заглянув в хлев.

После завтрака пленный засобирался на улицу.

— Арбайтен! Работат!

— Сейчас будет тебе арбайтен, — поддержала его Настасья.

Она сходила в сарай, взяла там топор и ножовку. Показала немцу на засохшую сосну возле избы, помахала топором у ее основания, потом ножовкой изобразила, как надо распилить ствол на части, потом — снова топором — как нарубить дров. Немец оказался сообразительным:

— Эс ист клар! Поньятно! — сказал он и принялся за работу.

Работал пленник неспешно. Настасья, наблюдая за ним из-за занавески, все думала: «Не появятся ли у него какие дурные мысли? Как-никак, топор в его руках!» Но немец, кажется, не помышлял ни о чем коварном, продолжая пилить ствол сосны и колоть его на дрова.

До обеда он сделал едва ли половину положенного. Но ближе к ужину дела пошли успешней.

Проходившая мимо бабка Фрося, приходившаяся Настасье троюродной сестрой, позавидовала:

— Повезло тебе! Глянь, какой работник у тебя появился!

И попросила:

— Не дашь мне его завтра на денек? Мне бы тоже надо дров наколоть трошки.

— Отчего ж не дать, — согласилась Настасья. — Завтра с утра и забирай его. У меня больше работы для него нету. Токмо кормить его не забывай. А жрет он, по правде сказать, много...

После ужина пленник, сказав «шпат», отправился в хлев.

В эту ночь Настасья спала спокойно.

С утра пришла бабка Фрося.

— Настасья, я за пленным. Где он у тебя?

— В хлеву спит. Подымай его, покорми завтраком и пусть работает.

— А как к нему обращаться-то?

— Зови его Товарищ, — улыбнулась Настасья. — У меня он на это имя откликается.

Бабка Фрося ушла. Вернулась растерянная:

— Нет твоего Товарища в хлеву!

— Как нет? — удивилась Настасья.

Вдвоем пошли в хлев. Матрас и одеяло лежали на месте, а Товарища не было. И тут взгляд Настасьи упал в угол хлева, где она заметила какое-то незнакомое ей тряпье. Она подошла поближе, наклонилась. И сразу поняла: это была одежда немца. И шинель, и китель, и штаны, и кепка... И даже черный кожаный ремень с металлической бляхой.

— Он что же — голым от тебя убежал, что ли? — усмехнулась бабка Фрося.

Внезапное сомнение охватило Настасью. Она ринулась в избу. Почему открыта дверца ее старенького шифоньера? И как получилось, что она не услышала скрипа этой дверцы? А куда делся ее новенький полушубок, который она надевала только дважды в год — в Рождество и на Масленицу? А где ее праздничная юбка? И шерстяной кофты тоже нет. И пуховый платок исчез!

— Ах ты, изверг! В бабьей одежде убежал! — поняла Настасья. — И как я могла его не услышать? У меня же половицы тоже скрипучие, как и дверца в шифоньере. Видать, две-то бессонные ночи сказались...

— Притомилась ты, вот и заснула крепко, — согласилась с нею бабка Фрося.

— Ну, а зачем ему бабой-то прикидываться? — изумилась Настасья.

— Да, видать, хочет к своим пробраться. В бабьем-то обличье ему сподручнее будет это сделать, — догадалась бабка Фрося. — Не пойму только одного. Через два-три дня у него и усы, и борода начнут расти. Какая же это баба будет — с бородой и усами?

Бабка Фрося расхохоталась.

В это время Настасья, бросив взгляд в окошко, заметила, что дверь ее сарая тоже открыта. Значит, Товарищ этот что-то там спрятал, а потом забрал? Что? Может, оружие?

Настасья насторожилась:

— Слушай, Ефросинья, смешного-то тут мало. У него, скорее всего, оружие есть. Хорошо, что я не проснулась. А то убил бы он меня.

Бабка Фрося перекрестилась:

— Не приведи Господи!

Настасья быстро сообразила, что надо делать:

— Ефросинья, давай-ка, срочно посылай Зойку в Липяги. Немцы-то оттуда уже ушли, бояться ей нечего. Пусть сходит в сельсовет или, может, в нашу военную часть. Надо им рассказать об этом нашем пленнике, предупредить их, что он вооруженный.

Дня через три Зойка снова отправилась в Липяги. Вернувшись, сразу кинулась к Настасье:

— Бабушк, поймали твоего Товарища в Липягах! Он там, фашист, ночью ворвался в один дом и пристрелил всех: старика, старуху и внука. Отыскал в доме бутылку самогона и всю ночь пил, закусывая квашеной капустой. А потом уснул, пьяный. Утром заглянула к ним соседка, а в доме три трупа и пьяный немец на полу — в бабьей одежде. А рядом с ним — пистолет. Соседка побежала к нашим военным. Те пришли, разбудили его, допросили. А потом вывели за село и расстреляли.

Выслушав рассказ Зойки, Настасья покачала головой:

— Мой полушубок-то теперь простреленный весь! Совсем ведь новенький был! Дочка мне его из Москвы привезла...

— Да цел твой полушубок! — улыбнулась Зойка. — Завтра его принесу. Сегодня-то у меня было много покупок в магазине.

Настасья вздохнула:

— Да зачем он мне теперь? Разве надену я его после этой мерзости? Всю одежду мне испоганил, супостат!

Помолчав, добавила:

— Но ты, Зой, все равно полушубок принеси. Постелите его в конуре у своей Жучки — теплее ей будет в морозы-то...

ФОТОГРАФИЯ

Каждый год в ноябре, в День поминовения усопших, фрау Фогель отправляется на кладбище, чтобы украсить цветами и свечами могилу своей матери. В этот день на кладбище звучат духовные песнопения и молитвы, которые сопровождает звон церковных колоколов. Этот звон напоминает людям о бренности жизни.

Возвращаясь с кладбища, фрау Фогель неизменно вспоминает и своего отца. К ее огорчению, она не может посетить его могилу. И даже не знает, есть ли она где-то.

Когда отец уезжал воевать с русскими, маленькой Эльзе Фогель было всего три года, и отца она не помнит. От отца у нее осталась лишь одна фотография. На ней унтерштурмфюрер Фогель выглядит бравым воином. В его руках — автомат, направленный в сторону врага.

Эта фотография давно стала предметом гордости фрау Фогель. Гордости за отца, за свою семью. Когда Эльза Фогель выходила замуж, то оставила себе фамилию отца. Муж, Фридрих, не возражал — он хорошо понимал ее и во всем поддерживал.

А от мамы у нее осталась просьба — поехать когда-нибудь в Россию, найти там село под названием Антоновка и попытаться отыскать в этом селе могилу отца. Единственное, что было известно о его последних днях, связано именно с этим селом.

Фрау Фогель неплохо знала русский. Она выучила его в университете, и этот язык был ее специальностью. В последние годы фрау Фогель сотрудничала с известным книжным издательством, переводя для него русские детективные романы. Поэтому языковых препятствий для поездки в Россию она не видела. Единственное, что мешало ей отправиться в чужую страну, была болезнь Фридриха.

Но с каждым годом вероятность поездки становилась все призрачнее, потому что фрау Фогель была уже немолода. И когда ей исполнилось семьдесят, она решила: «Все, откладывать поездку больше нельзя». Фрау Фогель пообещала Фридриху, что уедет всего на три дня, и на это время наняла ему сиделку.

В поездку фрау Фогель отправилась налегке, взяв с собой лишь небольшую дорожную сумку. Ранний утренний перелет до Москвы она перенесла сносно. В аэропорту взяла такси до Казанского вокзала, а потом около десяти часов ехала в поезде. В купе было душно, и она почти всю дорогу простояла у открытого вагонного окна, наблюдая за сменой незнакомых ей картин русской природы.

Таксист, которого она попросила отвезти в Антоновку, долго выяснял, какую именно Антоновку она имеет в виду. Оказалось, что до ее Антонов-

ки всего-то час с небольшим пути. Узнав, что она из Германии, разговорчивый веселый водитель такси стал интересоваться жизнью немцев. Ей эта тема была неинтересна, и она спросила, как его зовут. Водителя звали Володей.

— Я буду звать вас по-немецки — Вольдемаром. Хорошо? — спросила она.

— Валяйте! — улыбнулся водитель.

— Что такое «валяйте»? — не поняла она.

— Это значит, что я согласен, — рассмеялся он. — Меня как только не зовут: и Володькой, и Вовкой, и Вованом, и шефом, и командиром. Иногда просто «Эй!» называют. А вот Вольдемаром еще никто не звал.

Вспомнив мучительную поездку в поезде, фрау Фогель решила узнать, нельзя ли будет из Антоновки добраться на такси прямо в Шереметьево.

— Конечно, можно! — обрадовал ее Вольдемар. — Это будет стоить... Он прикинул в уме, каково расстояние от Антоновки до Москвы.

— ...около пятнадцати тысяч.

Фрау Фогель мысленно перевела эту сумму в евро. Оказалось, что поездка будет не такой уж дорогой. Она попросила у Вольдемара визитку с номером телефона и пообещала, что послезавтра ему позвонит.

Подъехали к Антоновке.

— Мне бы отель тут найти, — попросила фрау Фогель водителя.

Тот расхохотался:

— Какой тут вам отель!

— Тогда подвезите к центру села.

В центре она обнаружила администрацию, небольшой магазинчик, почту и клуб. Отели, как и предполагал Вольдемар, не оказалось. Уже опускались сумерки, и фрау Фогель нужно было срочно искать место ночлега. Она устало пошла по улице в надежде встретить кого-нибудь и узнать, где можно переночевать. Но улица была пуста.

К радости фрау, она еще издали заметила за поворотом улицы одинокую старушку, сидящую на скамейке около избы. Боясь, что старушка уйдет, фрау торопливо зашагала в ее сторону.

— Милая, да ночуй у меня, сколько хочешь, — обрадовалась ей старушка. — Я одна живу, мне веселей будет.

Старушку звали Клавдией Сергеевной. В ее избе было чистенько и уютно, диван удобным, а постель свежей. К утру фрау Фогель выглядела хорошо отдохнувшей.

На завтрак Клавдия Сергеевна предложила пшеничную кашу с молоком, которая оказалась очень вкусной, и травяной чай. Позавтракав, фрау Фогель пригласила старушку побеседовать с нею. Спросила:

— Вы помните войну?

Ответ Клавдии Сергеевны ошарашил фрау Фогель:

— Милая, да откуда ж мне ее помнить, если я родилась в сорок шестом?

Гостеприимная хозяйка оказалась фрау Фогель древней старушкой, а выходило, что она моложе ее самой.

— О войне вам может мой сосед рассказать. Ему двенадцать лет было, когда немцы в нашу Антоновку пришли, — вспомнила вдруг Клавдия Сергеевна. — А недавно ему уже девяносто стукнуло.

Она распахнула окошко и окликнула кого-то:

— Тимофеич! Тимофе-еич!

На ее голос отозвался бодрый мужской:

— Чего тебе, Сергевна?

— Будь добр, зайди ко мне на минутку, — попросила Клавдия Сергеевна.

В избу вошел старик, которому фрау Фогель ну никак не могла бы дать девяноста. Он был худощав, строен, подтянут, а к тому же для своих лет довольно шустр.

— Кто тут к нам пожаловал, Сергевна? — спросил он, увидев незнакомую гостью.

Фрау Фогель встала и протянула ему руку:

— Меня зовут Эльза. Я из Германии.

— А я Андрей Тимофеевич, — представился старик. — Когда-то преподавал немецкий язык в школе, так что можем и по-вашему побалакать.

— Что такое «побалакать»? — не поняла фрау Фогель.

— Поговорить, значит, — пояснил старик. — Жаргон такой.

Фрау Фогель неожиданно рассмотрела на морщинистой руке старика татуировку: «Лида». Она улыбнулась. Перехватив ее взгляд, старик засмущался:

— Нелепо, конечно, выглядит татуировка эта. В школе все ученики из-за нее смеялись надо мной. Мне рассказывали, что между собой они звали меня Лидой.

— Лида — это ваша первая любовь? — полюбопытствовала фрау Фогель.

— И моя жена. Теперь уже покойная... — вздохнул старик и поспешил перейти на другую тему. — Так что же вас заинтересовало в нашей Антоновке?

Фрау Фогель достала из бокового кармана сумки фотографию отца:

— Посмотрите. Никогда не видели этого человека?

Старика всего передернуло, лицо его скривилось:

— А-а-а, Фогель...

Фрау Фогель обрадовалась:

— Вы его знали? Помните?

— Как не знать? Знал и хорошо запомнил этого подонка, — подтвердил старик.

Фрау Фогель насторожилась:

— Подонка? Почему вы так говорите?

Старик внимательно посмотрел на нее и вдруг спросил:

— А вы кем ему приходитесь?

Фрау Фогель замешкалась с ответом. Ей вдруг подумалось, что говорить правду этому русскому старику не следует. И она неожиданно для себя самой слукавила:

— Я журналистка, собираю материалы о немцах, воевавших в России.

Старик посмотрел на собеседницу недоверчиво, потому что журналистка, как он понимал, должна была выглядеть помоложе. И все-таки сказал:

— Я сейчас вернусь, мне надо вам кое-что показать...

Старик вышел из избы всего минут на пять. Возвратившись, протянул фрау Фогель пожелтевшие листы бумаги:

— Вот... Это наша районная газета. По-вашему — Kreiszeitung.

Фрау сразу увидела на газетной странице снимок и поняла, что фотография отца, которую она так бережно хранит, — только фрагмент этого

снимка. В газетном варианте автомат герра Фогеля был направлен на двух женщин, испуганно прижавшихся к стене какого-то дома. Под снимком стояла подпись: «Расстрел фашистами мирных жителей села Антоновка. 1942 г. Фото из трофейного немецкого архива».

У фрау Фогель сам собой возник вопрос:

— Видимо, эти женщины — партизаны?

— Какие партизаны! — возмущился старик. — У нас партизанов отродясь не было! Вокруг Антоновки — ни одного леса! В вы говорите «партизаны»...

Внезапно по щекам старика потекли слезы. Он указал на одну из женщин на снимке. Голос его задрожал:

— Это моя мама...

Чуть успокоившись и утерев слезы, старик продолжал:

— По улице ехала немецкая машина, груженная какими-то ящичками. Возле нашей избы, на повороте, один ящик упал, и из него покатились по снегу банки с тушенкой. Мама с соседкой стояли в это время на улице, а банки подкатились прямо к их ногам. Они и взяли по одной. Ведь дома голодные дети ждали. А офицер, сопровождавший машину, заметил «воровод», задержал их и отвел в комендатуру...

Старик снова вытер слезы.

— А на следующий день собрали жителей села, и при всех Фогель расстрелял женщин. Моя сестренка трехлетняя громко кричала: «Мама! Мама!» А Фогель шагнул в нашу сторону, чтобы заставить ее замолчать. Я схватил сестренку в охапку, и мы с ней убежали.

Старик тяжело вздохнул:

— Мы тогда с сестренкой одни-одинешеньки остались. Отец-то наш еще раньше погиб, он на границе служил. Стал я, двенадцатилетний, для сестренки и отцом, и матерью. Чтобы прокормиться, милостыню собирал. Ничего, выжили. А за Фогелем этим я потом долго следил. И однажды выследил.

Старик надолго замолчал.

— Пойдемте со мной, — пригласил вдруг он.

Пробираясь по узенькой тропинке между двумя огородами, вышли к их дальним окраинам. Старик остановился.

— Вот тут когда-то вишня росла. Большое было дерево, ветвистое. Плетень рядом стоял.

— Что такое «плетень»? — не поняла фрау Фогель.

— Плетень — это такая изгородь, сплетенная из прутьев. Она отделяла огород от дороги, которая тут когда-то проходила, — пояснил старик. — Ну, так Фогель-то ваш однажды утром присел тут, под вишней, на корточки, прости Господи, по нужде. А я отыскал кирпич, и пока он тут кряхтел, незаметно к нему подобрался сзади. Взял кирпич обеими руками, да так, со всего размаху, огрел им этого Фогеля по голове, а к тому же еще раз добавил, что тот и не копнулся.

Фрау Фогель не понимала, что такое «огрел», что такое «не копнулся», но от этих слов вздрогнула. Голова у нее закружилась, и она инстинктивно облокотилась на плечо старика. Ей показалось, что она почувствовала, как ее саму ударили по голове.

А старик продолжал:

— Забросал я его тело ветками. Ваши-то его в тот же день искать стали, но не нашли. Мне метель помогла. Она в тот день с ночи началась и весь день продолжалась. Затрусила и мои следы, и следы Фогеля.

— Что такое «затрусил»? Замела, засыпала? — уточнила фрау Фогель.

— Ну да, замела. А на другой день, — продолжал старик, — немцам уже не до того было. Драпанули они из нашего села — да так, что только пятки засверкали. А я ветки убрал и нашим солдатам Фогеля показал. Они его вот тут же, около вишни, и закопали.

Фрау Фогель подумала, что дерево над могилой выглядело бы вполне естественно, поэтому поинтересовалась:

— А что же с вишней стало?

— А вишня не вынесла такого пакостного соседства и на другой год засохла. Я ее потом спилил и на дрова пустил. Вишневые дрова хорошо в печке горят.

Слышать про «пакостное соседство» фрау Фогель было крайне досадно, тем более что старик развил эту тему:

— Я тут и яблоньку пытался посадить, и клен, и березку — не прижились, засохла! Как видите, тут даже трава не растет. Противится природа такому соседству! Природа и злодейство — они ведь несовместимы.

Фрау Фогель опустила голову. Да, ей неприятен был этот разговор. Но она совсем не ощущала, что перед нею стоит убийца отца. Она не боялась его, она ему сочувствовала.

— А что же с вашей сестрой стало? — спросила фрау Фогель.

— Жива-здорова, — ответил старик. — В городе сейчас живет. Часто меня навещает...

Вызвавшись остаться наедине с отцом, фрау Фогель осторожно, боясь запачкаться, присела на черную землю. Ей захотелось поплакать, но слез не было. Невдалеке, на лугу, она увидела много ромашек и подумала, что неплохо было бы нарвать букет и положить его на могилу. Но тут же она отвергла эту мысль. На какую могилу? Положить цветы на клочок земли, по которому люди будут топтаться ногами, — этого она не могла себе позволить.

Незаметно для себя самой фрау Фогель заговорила вслух:

— Не думала я, отец, что встречу с тобой в такой обстановке. Не могла себе представить, что твой конец был таким бесславным...

Фрау Фогель искала оправдания для отца. И она его нашла. «Не по своей же воле он расстрелял этих несчастных женщин. Ему ведь кто-то приказал, — думала она. — А если бы он не выполнил приказ, то могли бы расстрелять его самого...»

С этой мыслью она попрощалась с отцом и решила прогуляться по селу. Вышла к речке и на ее берегу, в тишине, просидела до позднего вечера, погруженная в нерадостные размышления.

Ночью ей приснился отец. Он стоял с автоматом, направленным в ее сторону. Фрау Фогель проснулась от ужаса, да так и не уснула до самого утра.

После завтрака она решила расплатиться с Клавдией Сергеевной за проживание. Немного подумав, пришла к выводу, что ста евро будет более чем достаточно. Но старушка замахала руками:

— Что ты, что ты! Зачем они мне, ваши деньги?

Но тут же изменила решение:

— Ладно, ладно, спасибо. Дочка приедет — ей отдам, она там, в городе, найдет, что с ними сделать.

Отложив нужную сумму на такси до Москвы и из берлинского аэро-

порта до дома, фрау Фогель пересчитала оставшиеся деньги. Насчитала четыреста евро. «Это будет хорошая компенсация старику за его несчастное детство», — подумала она. И отправилась в соседнюю избу.

Старик стоял на улице и точил косу. Территория, прилегающая к избе, заросла травой, и он, видимо, собирался навести здесь порядок.

— Guten Morgen! Доброе утро! — поприветствовала его фрау Фогель.

— Guten Morgen! Guten Morgen! — откликнулся старик.

Фрау Фогель протянула ему деньги:

— Это мой презент для вас.

— Нет-нет, — решительно отказался старик. — Ни к чему это.

— Возьмите, я прошу вас. Это от души, — пыталась убедить его фрау Фогель.

Но старик был непреклонен.

— Вашей сестре отдадите, деньги ей пригодятся в городе, — не унималась немецкая гостя.

— Ой, да что вы такое говорите! — отмахнулся старик. — Не возьмет она у меня. Ни за что не возьмет! Она сама мне норовит помочь деньгами, когда в село приезжает.

— А, может, вы дадите мне ее городской адрес? У меня она возьмет! — уверенно сказала фрау.

— Ну, не знаю... — засомневался старик.

Но адрес все же дал.

Фрау Фогель позвонила знакомому таксисту. Пока ожидала его, все время думала о старике. Почему он не взял деньги? Она была уверена, что никто из ее немецких знакомых от денег бы не отказался. Никто и никогда! «Вероятно, чтобы понимать русского человека, мало знать его язык», — подумалось ей.

Такси прибыло, как она и ожидала, через полтора часа. Назвав Володе городской адрес, фрау Фогель задремала. Поскольку ночью ей не спалось, то отдых в кресле автомобиля оказался очень кстати.

Ее разбудил голос водителя:

— Приехали!

Фрау Фогель выглянула в окошко. Такси остановилось в каком-то городском микрорайоне, возле пятиэтажного дома. В подъезд фрау вошла беспрепятственно, так как его двери были распахнуты настежь. Лифта в доме не было, пришлось подниматься пешком по лестнице. Квартира сестры старика оказалась на четвертом этаже. Фрау Фогель подняла указательный палец, чтобы нажать на кнопку звонка, но тут же опустила руку: «А вдруг и здесь деньги не возьмут?» Постояв с минуту у двери, фрау Фогель спустилась по лестнице на первый этаж, подошла к почтовым ящикам, нашла нужный номер. Немного подумав, опустила деньги в почтовый ящик.

Выйдя из подъезда, фрау Фогель села в такси и, довольная собой, звонко сказала водителю:

— В Шереметьево, Вольдемар!

